

[Брахман]

В ту ночь, после ужина, мне приснился страшный сон. Я погружался в темно-красный водоворот, подгоняемый течением, и у меня было мало надежды вынырнуть на поверхность. Я посмотрел вниз, и лицо того, кто стоял в центре водоворота, было размытым, но инстинкт подсказал мне, что это был Шэнь Сюй... гид, с которым я случайно познакомился в Нью-Дели, человек, который часто наблюдал за мной из космоса, незнакомец, которого я когда-то очень хорошо знал.

Я парил в воздухе, чувствуя себя невесомым. Когда я проснулся, Шэнь Сюй, уже одетый в рубашку цвета мха, что-то мастерил, повернувшись ко мне спиной. Свежий утренний солнечный свет еще ярче освещал комнату, но ничто в этой сцене не казался живым. Я позвал Шэнь Сюя, и он повернулся, чтобы сделать снимок своим фотоаппаратом.

Из-за черного объектива выглянул чей-то глаз, и я закрыл лицо руками слишком поздно.

— Я выгляжу неопрятно.

— Не важно. — он проверил фото. — Больше никто не узнает.

«Больше никто не узнает». Его слова неожиданно прозвучали многозначительно. Возможно, это было из-за того, что я плохо видел ранним утром, но выражение его лица, когда он смотрел на фотографию, было странно мягким. Тем временем он спросил меня, как прошел вчерашний ужин.

— В следующий раз не спорь из-за счета. — сказал я. — Сегодня я угощаю. Ты не только показываешь мне окрестности, но и заботишься обо мне, когда я болею, и угощаешь ужином. Правда...

— Ага. — Шэнь Сюй смотрел на меня с улыбкой. — Где ты можешь найти такого замечательного гида?

— Здесь, в Нью-Дели, есть один. — когда я скатился с кровати, мой телефон подал звуковой сигнал... восемь утра. Я отключил телефон и спросил, не задумываясь. — Куда мы сегодня идем?

— Давай сегодня посмотрим на уменьшенного Шиву, ладно? В Национальном музее в Нью-Дели. — Шэнь Сюй застегнул часы на левом запястье. Его предплечья не совсем были сложены, но, тем не менее, они были пропорциональны и стройны, а когда он сгибал их, на мгновение проступали тонкие вены под кожей запястья. Когда он наконец застегнул часы, я отвел взгляд.

-

Сейчас был пик туристического сезона, поэтому нам пришлось долго стоять в очереди перед музеем, обмахиваясь буклетами. Однако, войдя, мы не сразу увидели скульптуру Шивы. На какое-то время мы присоединились к толпе, рассматривающей миниатюрные картины и скульптуры людей, обнажающих свои пенисы и вагины.

Я прищурился, глядя на то, как три (или четыре, или пять) человека в этих скульптурах соединяются вместе. Индия, безусловно, была открытой, когда дело доходило до изображения секса. Они выбирали более сильные способы выражения, и это честное, но в то же время намеренное преувеличение можно было увидеть почти везде. Шэнь Сюй некоторое время

изучал скульптуру, прежде чем сказать, что каменные изваяния в храмах Кхаджурахо были более преувеличенными, изображая сексуальные позы, которые заставляли многих иностранных туристов стесняться, особенно японцев. Однако им все равно очень хотелось посмотреть на памятники, поэтому они увеличивали фокусное расстояние своих телефонных камер, чтобы смотреть, делая вид, что фотографируют пейзаж.

— Я отведу тебя туда, если тебе интересно. — прошептал он мне на ухо. — Ты не будешь стесняться?

— А ты бы стал? — парировал я в ответ.

— Нет. — Шэнь Сюй выпрямился, глядя на каменную скульптуру полуприкрытыми глазами. Цветная глина в нескольких местах отслаивалась, обнажая жизненную силу первобытного камня.

— Я бы тоже не стал. — я положил ладонь на стекло, стоящее между мной и каменной скульптурой, и очень близко прижался лицом. — Это как... Я слышу, как они кричат.

— Их вид всегда вызывает самые разные эмоции. В Индии можно ощутить эту энергию. — сказал Шэнь Сюй. — Когда я приехал сюда в первый раз...

Он сделал паузу в своем предложении. Я обернулся.

— Что не так? Ты что-то говорил про то, когда пришел сюда в первый раз?

Шэнь Сюй бросил взгляд на скульптуру, прежде чем многозначительно посмотреть на меня. Наконец он сказал:

— Ничего. Смотри. Перед нами скульптура Шивы, Повелителя танца.

Я посмотрел туда, где все собрались, туда, где светил одинокий прожектор. Я шел за Шэнь Сюем, но на полпути начал трусить. Я успокаивал себя тем, что «еще не видел большого Шиву, так почему я должен нервничать, когда собираюсь встретиться с меньшим Шивой? Никто больше не повернет назад, верно? «

— Ты не хочешь посмотреть на это? — Шэнь Сюй заметил мое беспокойство.

— Я обещал ему, что мы посмотрим на это вместе. — прошептал я. — Я нарушил свое обещание?

— Это он нарушил свое обещание, а не ты. — Шэнь Сюй выглядел раздраженным без всякой причины. Он притянул меня к себе, его приятная прохладная ладонь обхватывала мое запястье.

— Шэнь Сюй. — я придвинулся ближе. — Как ты думаешь, он захочет компенсировать мне это?

Шэнь Сюй замер на месте, прежде чем повернуться и посмотреть прямо на меня.

— Думаешь... он все еще любит тебя?

— Да, любит... Наверное.

Я хотел верить, что в глубине души этот мужчина-айсберг любит меня. Просто со временем эта любовь разлетелась на мелкие кусочки из-за других обстоятельств. Я мог убедить себя в этом

только с большим трудом. Мне с трудом удавалось выцарапать из всей этой терпкой горечи кусочек сладости.

— Мы же вместе собирали наш багаж.

По сравнению с его прежней страстной и нежной любовью, эта незначительная демонстрация была просто каплей в море.

— Дурачок. — прокомментировал Шэнь Сюй.

Но я не рассердился. Я сказал:

— Иногда ты напоминаешь мне моего парня.

— Правда? — Шэнь Сюй продолжал вести меня вперед, монотонно спрашивая. — Напоминаю твоего прежнего парня или будущего?

— Хм. Прежнего.

Шэнь Сюй ничего не сказал. Со своего места я мог видеть только слегка приподнятые уголки его губ.

— Смотри, Шива. — сказал он.

Это была бронзовая скульптура, изображающая Шиву, наступающего на карлика и вытягивающегося во весь рост на идеально круглом двухслойном цветке лотоса, окруженном ритмичными языками пламени. Свет мерцал, не задерживаясь на одном месте. Он танцевал, задыхаясь, и выдыхал воздух.

— Почему он наступает на маленького человечка?

— На карлика? Он олицетворяет невежество и глупость.

— Что это за танец исполняет Шива?

— Это космический танец, танец вечности, разрушения и бессмертия.

Как будто внезапно обрушился поток, но не смог погасить это безграничное пламя. В трех глазах Шивы, сияющих и ясных, отражались длинные серебряные нити времени. Он танцевал без остановки, и воды Ганга, стекающие с его волос, проходили через множество мест и обходных путей, но в конце концов попадали в мир смертных. Этот цикл повторялся снова и снова, создавая тонкий, но мощный баланс.

Я почувствовал легкое удушье. Любовь переполняла меня, я не знал, почему. Я никогда так сильно не хотел любить всех незнакомцев вокруг меня. Как странно, как причудливо!

Слева от Шивы был изображен кот, поднимающий лапу над головой. Из-за постоянного воздействия атмосферных воздействий и коррозии его глаза запали, превратившись в две темные пустые дыры, хранящие в своей глубине упрямство и отчаяние, которым я не видел конца. Я почти сразу отвел взгляд. Это напоминало мне о чем-то плохом, об этой огромной неуверенности.

Я редко чувствовал себя неуверенно. Я видел такое выражение, от которого у меня мороз по коже, только у одного человека.

Мой парень уже упоминал, что у его мамы был скверный характер, но я не спрашивал подробностей, да и он сам их не рассказывал. Я вспомнил один случай... который случился только раз в жизни... когда он вернулся домой после каникул, проведенных с мамой. Он держал меня в объятиях, вздыхая:

— Что мне делать, Сяоцзинь? Я люблю ее, но в то же время ненавижу. — вскоре он взял свои слова обратно. — Нет, я не думаю, что люблю ее.

— Но она твоя мама. — сказал я в замешательстве, позволяя ему навалиться на меня всем своим весом. — Разве ты не одержим? Почему бы кто-то не любил свою собственную мать?

Замешательство овладело мной, и я не сразу смог ему посочувствовать, потому что никогда не испытывал ненависти к своей семье. Самое большее, что я когда-либо испытывал было раздражением, и оно длилось всего пару часов или несколько минут. Одна из сторон уступила бы первой: либо я, который чувствовал бы себя виноватым и смущенным, либо мои родители, которые простили бы меня.

— Что случилось? — спросил я.

Подбородок моего парня переместился с того места, где он положил его мне на плечо. Я молча позволил ему обнять себя на некоторое время, наблюдая, как медленно ползут стрелки часов.

— Может, мне заварить немного чая? — спросил я. — Я недавно купил тайский орех. У тебя такой хриплый голос.

— Нет. — в тот момент, когда я хотел оттолкнуть его, он, казалось, был в панике, его руки обхватили меня так крепко, с силой утопающего, цепляющегося за доску. — Нет. Позволь мне обнять тебя еще ненадолго, хорошо?

Это была просьба, от которой никто не мог бы отказаться. Я поцеловал его в ухо и сказал «хорошо».

— Сяоцзинь, пойдем ко мне домой на Новый год в этом году. — сказал он.

— Хорошо. — сказал я без колебаний.

Однако после этого мой парень, казалось, пребывал в нерешительности, сказав мне, что однажды говорил обо мне со своей матерью, но не рассказал ей о характере наших отношений.

— Людям их поколения нужно время, чтобы смириться с подобными вещами, так что давай не будем торопиться. Просто скажи, что я твой друг, которому некуда идти, потому что я опоздал на поезд домой.

Я даже придумал оправдание, потому что не хотел усложнять ему жизнь.

Мой парень кивнул, почти по-детски выразительно, и поблагодарил меня.

— За что? — растерянно спросил я.

— Ты можешь понять меня. — он помолчал. — Это делает меня таким счастливым.

На четвертый день нового года я приехал с багажом и остался ночевать у своих «родственников», чувствуя себя «виноватым, но в то же время очень благодарным». Родители моего парня развелись, и его воспитывала мать. Итак, за обеденным столом нас было только

трое. Он был очень похож на свою мать, особенно мягкими, но в то же время угловатыми чертами подбородка. Как определенный вид белого нефрита, он был тщательно обработан, гладкий и в то же время красивый, но я бы на мгновение замешкался, прежде чем надеть его зимой, потому что мне казалось, что он излучает холод изнутри.

Его мать готовила, и мы немного поговорили за ужином. Тетя казалась восторженной и добродушной, но улыбка никогда не появлялась в ее глазах. Одна из трех лампочек в столовой была разбита, но никто из нас не упомянул об этом. После ужина тетя отложила свою миску и палочки для еды и спросила меня, где я буду спать.

— Мам, он спит в моей комнате. — сказал мой парень.

— Ох... Если он спит в твоей комнате, то где же будешь спать ты? — его мать сама ответила на свой вопрос тонким, пронзительным голосом. Я не мог сказать, искренне или насмешливо. — В этом доме всего две комнаты, так что, если он будет спать в твоей комнате, ты будешь спать в моей, а значит, мне придется спать на диване...

Вздвогнув, я перестал жевать и с беспокойством посмотрел на своего парня.

Что за странный ход мыслей.

— Я имею в виду. — мой парень склонил голову и взял палочками что-то из еды. — Мы с Сяоцинем разделим одну комнату.

— Разделите одну комнату... — тетушка постучала себя по подбородку, как будто у нее что-то было на уме. — Ох.

Я много раз репетировал этот прием со своим парнем. Я вызвался вытереть со стола и помыть посуду после ужина, а потом сел рядом с тетей в гостиной и рассеянно уставился на треснувший светодиодный экран их телевизора. Из-под подушек на диване змеились тонкие белые трещины. Этот дом был построен таким образом, чтобы в него попадало достаточное количество света и обеспечивался достаточный приток воздуха, но ни с того ни с сего я поймал себя на мысли о фэншуй.

Мне казалось, что что-то пошло не так, но я понятия не имел, как все можно исправить.

Перед тем как лечь спать, мой парень, закончив мыть посуду, наконец зашел в комнату и закрыл за собой дверь. Он постоял там, размышляя какое-то время, затем слегка присел и медленно запер дверь, затаив дыхание, очень осторожно, как будто обезвреживал бомбу. Я почти не услышал щелчка замка, вставшего на место.

Он выключил свет и заключил меня в объятия.

— Мне жаль. У нее немного странный характер.

Точнее было бы сказать, что она ненормальная, но я не стал озвучивать свои мысли вслух.

— Я почувствовала это. — прошептал я. — Она всегда такая?

Мой парень что-то напевал, играя с моими волосами.

— И это тоже не так уж плохо.

— Что происходит, когда дела идут плохо?

Мой парень на некоторое время замолчал.

— Знаешь, Сяоцзинь, я действительно завидую тебе и... всем остальным. Не потому, что мои родители развелись, когда я был маленьким, а потому, что ты мог делать все, что захочешь... Научиться рисовать, играть на кларнете и гитаре...

— Хм? Ты говоришь о тех занятиях по интересам, на которые мы ходили, когда были детьми?

— Да. Она в не легкое время воспитывает меня, я знаю, но эти годы... были тяжелыми. Она всегда говорила, что я все, что у нее есть, что я должен усердно работать, чтобы поступить в лучшие университеты, что я должен получить почетную, уважаемую работу с высокой зарплатой. Я никогда не ходил ни на какие из этих занятий по интересам, потому что она говорила «нет», у нас нет на это денег, но потом она сразу же тратила все свои сбережения на дополнительные занятия по математике и физике, которые подготовили бы меня к соревнованиям, и говорила, что она была мне такой хорошей матерью. — обеспокоенный громкостью своего голоса, он не произносил эти слова вслух, а скорее выдыхал их в теплое, наполненное паром пространство под нашими одеялами. После многозначительной паузы он продолжил. — У меня хорошие оценки в классе, Сяоцзинь, но я не настолько умен, чтобы конкурировать с тысячами умных людей по всей стране за несколько мест. Каждые выходные, когда я работаю без перерыва, все больше и больше моих блестящих коллег давят на меня, и я чувствую себя так, словно... Я на грани срыва. Я несчастлив, Сяоцзинь. Я заставляю себя выполнять все, что она от меня требует. Превращаюсь в игрушку, которой она хвастается перед своими родственниками, когда она счастлива, и веду себя так, как ей хочется, когда она злится. Я подавляю это чувство в своем сердце, из-за которого мне хочется кричать и выплескивать свои эмоции. Прошло много времени с тех пор, как я впервые почувствовал это, и когда узнал о его названии. Это агония.

Только сейчас я, наконец, начал узнавать его по-настоящему, с тех сторон, которые отличались от обычных, были скрыты в темноте.

— Ты для нее не игрушка, которую можно ругать и бить, когда ей заблагорассудится... Может быть, как-нибудь сядешь и поговоришь с ней как следует. — предложил я. — Скажи ей, что ты думаешь.

— У меня нет выбора, кроме как сделать так, как она говорит. — мой парень пробормотал, крепко обнимая меня. — Я пробовал это... Я сказал. Я мог предугадать ее ответ, и чем закончится этот разговор, но все равно собрал все свое мужество.

— Что она сказала?

— Я до сих пор помню выражение ее лица и запомню навсегда. — мой парень вздрогнул. — Когда она отвергала все, что я говорил, ее голова была властно поднята, губы поджаты, я почувствовал непреодолимое отвращение к властному хмурому выражению ее лица. Глаза, нос, губы моей матери, сумки, которые она носила на плече, обувь, которую она носила, всё... Я ненавижу в ней всё.

Небеса. У меня слегка отвисла челюсть, но в темноте я не мог разглядеть выражение его лица.

Я протянул руку, чтобы коснуться его лица, но он уклонился.

— Я до сих пор помню, как мы с ней однажды проходили мимо стен дома, Сяоцзинь. Он был выкрашен в белый цвет, с узкими щелями между кирпичами. Знаешь, что мне захотелось сделать в тот момент? Я хотел удариться об эту стену головой.

На мгновение потеряв дар речи, я прошептал:

— У тебя не должно быть таких мыслей. Не причиняй себе вреда.

— ...Я пошутил. Я так не думал.

Пауза.

— Это не важно, просто незначительный инцидент. Забудь об этом.

Я почувствовал смутное беспокойство.

— Ты не рассказал мне, какой она становится, когда дела идут хуже некуда.

Он сделал несколько долгих, глубоких вдохов.

— У нее начинается истерика. — сказал он, подчеркивая каждый слог последнего слова.

Именно в этот момент другая дверь с грохотом распахнулась, а шаги раздавались все ближе и ближе. Стука в дверь не последовало, только скрип, словно кто-то поворачивал дверную ручку. Мой парень закрыл дверь на задвижку, так что она не смогла ее открыть. В ночной тьме ее голос звучал зловеще.

— Дорогой... Почему ты запер дверь?

Мое сердце бешено колотилось, я затаил дыхание.

— Мама... — мой парень отпустил меня, нервно умоляя. — Это всего на одну ночь. Сяоцзинь наш гость.

— Ты все равно должен оставить дверь открытой! Почему ты запер дверь? Кого ты пытаешься не пустить? Что ты делаешь? А? — она внезапно взорвалась, ее вспышка ярости была подобна холодной воде, вылитой на сковороду с разогретым маслом. — Открой дверь! Открой немедленно! Открой дверь!!!

Мой желудок скрутило. Я почувствовал дискомфорт и страх, услышав ее резкие, пронзительные требования. Мой парень прошептал извинения, и с белой вспышкой включился свет. Он стоял у кровати, не двигаясь, но я ясно видел, как в нем бушует бунтарство, и как слезы текут по его лицу.

Тук... тук...

У меня по спине пробежал холодок. Тетушка стучала в дверь, но не костяшками пальцев, и, судя по источнику звуков, она не пинала дверь ногами, а билась о нее головой.

— Негодяй! Ублюдок!

Прежде чем мой парень успел подойти к двери, в комнате раздался тяжелый глухой стук, сопровождаемый пронзительными требованиями женщины:

— Открой дверь!!! "Открой!"

Послышались удаляющиеся шаги и звук отвертки, открывающей дверь. В процессе бешеного разбора замка она уронила отвертку и снова сильно ударилась головой о дверь, угрожая

самоуничтожением...

— Открой дверь, Шэнь Сюй!!!

<http://bllate.org/book/14890/1347418>